

Весь (ну, на данный момент) личный состав Первого полка Королевской Гвардии, куда, к слову, сейчас входили вообще все упомянутые гвардейцы, собрался в формацию на Плацу. Плац был полосой вырубленного леса в десяти минутах пешего хода от лагеря, где самые зеленые полковые рекруты практиковались в маршировании часами. Однако сейчас здесь было пусто...

Когда солнце зашло и выглянула полная луна, Горрил сосредоточился на пяти связанных людях, которых привязали к серии деревянных столбов прямо перед ним. Все они были гвардейцами, с которых сняли бронь и забрали оружие, такие же мокрые от дождя, как и остальные присутствующие солдаты.

Командир сам-один стоял у столбов. Он стоял там со времени, когда Горрил прибыл сюда вместе с остальным своим подразделением, полчаса назад; их сержант гонял их, сбивая в формацию номинальной центурии.

По правую руку от Горрила стоял Хайт, алебарщик из первой когорты второй центурии, и они уже давненько тихо переговаривались между собой. Если ему верить, то Командир вышел из больничной палатки в лагере где-то с час назад, и с тех пор просто поедал взглядом этих пяти связанных, медленно сжимая и разгибая кулаки, так будто спорил сам с собой, лично придушить их, А или нет; вода стекала вниз по его груди и рукам.

Весь личный состав полка присутствовал; все кроме часовых, имевших насущные обязанности. Горрил заметил немало рядов алебард, которых держали беспокойные руки; арбалетчики выигрывали натруженными мышцами после напряженного дня в перчатке или на боевом поле; Посланники нервно переглянулись и шептались между собой. Мужчины и женщины Логистического отряда угрюмо стояли по правую сторону Плаца, стиснув зубы и пытаясь достать руками до коротких мечей, которые носили на поясах. Они знали, как ими пользоваться, может так же хорошо, как и посланники, а может и даже лучше; и они не выглядели счастливыми.

Шесть легатов стояли поблизости, по правую руку от горрила, храня молчание, ожидая прибытия последних воинов полка. Среди них также был Пес; его задачей было убедиться, что все подразделения собрались.

Горрил уже собирался спросить Хайта, знает ли он что-нибудь о причине собрания, когда Командир неожиданно обернулся и пошел прямо к воинам.

- Стройно! - проревел легат Сноу, и целый полк ударил правыми ногами по земле, равнясь; Плац мгновенно затих. Даже самые зеленые из рекрутов, те, кого привели какие-то две недели назад, знали, что не стоит нарываться.

Командир пошел вдоль шеренг солдат, все еще сжимая кулаки, даже когда он свел их за спиной. Он шагал по всей длине шеренги, а дождь и дальше накапывал с небес; вдруг принц развернулся к противоположной стороне с таким взглядом, словно бросал вызов кому-то заговорить первым. Горрил сдержал фырканье, здесь не было таких дураков.

Когда командир вернулся к центру шеренги, ночь окончательно поглотила землю, сияние полной луны отбрасывал странные тени на его лице.

- Гвардейцы, - обратился он к ним торжественно,

- Когда я называю вас этим именем, то испытываю лишь гордость, - продолжил он, почти задумчиво, снова шагая.

- Вы группа людей, разделяет оружие и цель, ради великого блага для всех нас, - он говорил чисто и медленно.

- Когда вы согласились на мое жалование, вы это сделали из-за нищеты или гордости, из-за амбиций или чести... но это не единственная причина, толкнувшая вас на этот путь, не так ли? - спросил он так тихо, что люди напряглись, чтобы услышать его.

- Все вы знаете, что приближается, хотя и не можете подобрать ему имени. Это ощущение, как щекотка между лопатками... - говорил он, шагая, словно одновременно заглядывая каждому гвардейцу в глаза,

- То, как старые бабы смотрят на своих внуков... те внезапные моменты тишины в городских гостиницах, которые почти все спешат заполнить... слухи от крестьян, собирающих урожай... они знают, что приближается, - сказал он и сделал паузу; дождь капал по его броне.

- Война, - произнес он резко, сильно. Голос Командира усиливался, пока он шагал; сапоги немного тонули в грязи во время шествия:

- Я позвал вас, вооружил и дал доспехи, кормил и заботился за вами, сделал вас Гвардейцами, - последние слова как будто приносили ему боль. Горрил не мог отвести взгляда, зачарованный речью, а Командир продолжал:

- Итак, когда наступит время, и следующий претендент на корону будет мечтать о славе... когда следующий гордый лорд решит, что пришло время действовать... когда следующий заграничный завоеватель из-за моря решит захватить нас, хвастаясь наследственным правом, - сказал он жестко,

- Когда придет время, и они выступят со всеми знаменами, рыцарями, честью и мужеством - ревел он, шагая все быстрее; дождь прибавал белокурые волосы к черепу,

- Когда они придут с мечом в руке резать наших людей, когда они придут жечь наши хлева и наш урожай, когда они придут насиловать наших жен и наших дочерей, когда они придут жечь дотла этот континент во имя своих амбиций! - последние слова он выплюнул, разозлившись не на шутку; брызги слюны вылетали изо рта, смешиваясь с постоянным шумом дождя. Командир на мгновение перевел дух, медленно кивнув самому себе.

- Я сделал вас гвардейцами, чтобы, когда же придет то время, и бич войны ударит по нам - чтобы здесь был легион холодной стали, который вернет мир. Даже ценой нашей гибели, если придется, - сказал он громко, звуки и дальше доносились до концов формации, несмотря на расстояние. Тишина. А затем...

- Сегодня эта цель была загрязнена, - сказал Командир, и Горрил мог слышать пренебрежение и разочарование в его голосе.

Ни один гвардеец не рискнул подвигаться, не было слышно ни единого вздоха, когда Командир развернул шествие, поворачиваясь к центру формации:

- Йохана была гвардейкой на службе. Она присоединилась к нам, чтобы убежать от нищеты Блошиного Дна, как и многие из вас, - сказал он мрачно,

- Однако в отличие большинства из вас, ее отец был купцом, прежде чем потерял корабля в шторме и совершил самоубийство, но еще до смерти он научил ее как читать и писать, - сказал Командир, остановившись перед пятеркой тех пяти мужчин, до сих пор глядя на собрание

гвардейцев.

- Значит, ее направили к Бронцовым, чтобы вовремя вас всех снабжать вашей едой, и вашим жалованьем, и чтобы ваше оружие попадало вам в руки в тот же миг, когда это нужно, – сказал он. Он же не... неужели они... подумал Горрил с внезапным пониманием, прежде чем Командир снова продолжил:

- Йохана тренировалась с мечом и пером, Йохана помогала организовать ту живую цепь с ведрами, что спасла четверть лагеря во время пожара. Сегодня Йохану с Блошиного Дна изнасиловала и убила эта кучка животных, называвших себя гвардейцами! – окрысился он, указав жестом на привязанных мужчин.

- Уроды, что не могут удержать фаллос в штанах до следующего отпуска в конце месяца, – сказал он, понизив голос, медленно дыша,

- Они сломали священное доверие, которое будет разницей между жизнью и смертью на поле боя, они убили свою сестру, они...

- Та-а-а! Долбленая девка должна знать, что не стоит ходить с такими выкрутасами, крутя жопой повсюду, – начал насмехаться один из обвиняемых, привязанный к столбу, высокий мужчина со шрамом от губы до подбородка.

Тишина казалась болезненной, почти невозможной для восприятия. Горрил не мог сдержать желания, поворачивая голову. Хайт тоже. Казалось, что все присутствующие повернули головы, чтобы посмотреть на мужчину. Командир, казалось, глубоко дышал, до сих пор не двигаясь, и моргнул.

- Давай, красавчик! Твое представление меня не впечатлило! – закричал тот мужчина.

Руки Командира, которые были напряжены и сжаты в кулаки от начала речи, внезапно словно расслабились. Он медленно повернул голову назад:

- Извини, тебе скучно? – спросил он привычным тоном.

- Давай просто покончи с этим, мы все и так знаем, чем это закончится! – воскликнул мужчина.

- Я знаю, что ты не дворянского рода, но может ты предпочтешь испытание боем вместо суда? – спросил он мужчину, полностью обернувшись, и двинулся к нему.

- Да, поединок? – размышлял человек, который явно был пьян,

- Почему бы и нет? Это лучше, чем выслушивать этого говнюка, а, Дарлан? – спросил он у другого пленного. Однако Дарлан проигнорировал его, изо всех сил стараясь смотреть в другую сторону.

- Долбаные трусы, – выругался мужчина, быстро моргая, когда Командир вытащил меч и перерезал его путы. Он швырнул меч тому под ноги, прежде чем сделать несколько шагов назад, ожидая.

Насильник радостно схватился за меч, глядя на принца с кривой усмешкой:

- Я против тебя? Принца?! – сказал он, улыбка задрожала, но Командир не ответил.

- Черт возьми, подожди, пока ребята в Гортосе услышат об этом, – бормотал он, оглянувшись

назад, и вдруг резко бросился на Командира с выверенным уколом; подобные приемы Горрил видел сотню раз в переулках Блошиного Дна.

Командир чуть отступил вправо, уклоняясь от удара, и угодил одноручным молотом на руку с мечом врага. Тот буркнул от боли, впуская меча, и отшатнулся назад, но Командир уменьшил расстояние за секунду и нанес грубый удар снизу вверх прямо по челюсти, разбивая ее с фонтаном крови. Мужчина рухнул на землю и завизжал.

Он пополз к шеренге гвардейцев, прося помощь, но принц настиг его за секунды. Он схватил врага за плечо, переворачивая пузом кверху, а потом присел и ударил молотом по его грудной клетке.

Горрил чувствовал себя, словно оказался в каком-то ночном кошмаре, не имея сил отвести взгляд, когда Командир продолжил бить молотом по груди с какой-то вроде механической эффективности, снова и снова, пока крики не стали постепенно ослабевать.

Дождь как-то даже усилил те звуки, когда булава погружалась в плоть, приглушая шум из далека, и не оставляя Горрилу выбора, кроме как сфокусироваться на ужасном бульканье, которое резонировало на плащом всякий раз, как молот утапливался и высвобождался, высвобождая потоки крови и внутренностей.

Тот человек уже даже не стонал, но Командир и дальше бил, теперь превращая его голову в красное месиво. Когда он поднялся, Горрил и не удивился, увидев его покрытым кровью от груди и выше. Юноша словно сделал паузу на вздохи, автоматически прекращая молота за пояс, и посмотрел в небо, словно позволяя дождю обмыть лицо.

- Еще кто желает Суда Поединком? - спросил он тихо через минуту, все еще глядя на облака и Луну. Четверка живых пленных дико замотала головами, и один из них обоссался.

- Или кто-то из вас должен что-то сказать? - спросил он тем же тоном.

Пленные снова закачали головами.

- Хорошо, - сказал Командир, продолжая шагать, как будто ничего и не случилось,

- Нас предали, - подчеркнул он, так словно читал какое-то пророчество,

- Убийство товарища по оружию это самый тяжелый грех среди всех. Это акт, который идет вразрез со всем, за что мы сейчас выступаем... - добавил он, словно разочарованный самим собой и ими. Горрил почувствовал гнев и внезапную неуверенность в животе, медленно качая головой.

- Ваша цель была осквернена. Ваши достижения были осквернены, - принц и дальше добивал словами, и Горрил увидел, как Хайт яростно сжимает кулаки, медленно двигая челюстью.

- Кровь Йоханы до сих пор лежит на нас всех. Как монументальная ложь, что разрушила все, чего мы здесь достигли, - подчеркнул принц, и Горрил почувствовал, как его собственный отец дал ему пощечину; лицо сразу запылало, и он замотал головой в отказе.

Конечно нет, конечно нет...

Шесть легатов стояли, непоколебимы как статуи, но остальные люди неловко переминались, глядя вниз со стыдом, когда командир останавливал свой взгляд на них. Горрил старался не

двигаться, но его руки затряслись сами собой.

Утренняя пробежка, когда он едва не выблевывал от перегрузки, потом напряженная тренировка с коротким мечом, бесконечный бег сквозь заросли и перчатку, часы за часами, что он провел, маршируя по королевским землям вместе с остальными алебардщиками... ужасная неуверенность концентрировалась в его животе, словно притянутая магнитом.

Что происходит? Неужели этот большой проект, частью которого был и он сам, сейчас находится на грани разрушения?

Неужели ему придется вернуться в блошиное Дно?!

Из-за этих уродов?!

Командир остановился, глядя на них всех горящим взглядом... прежде чем легко наклонить голову набок в мрачном признании.

- Но... есть один способ, - сказал он почти с сомнением, и Горрил схватился за ту веревку надежды почти, как слепец, потерявшийся в лесу, пытается следовать отдаленному звуку человеческого голоса.

- Есть один способ смыть стыд, - сказал Командир, на этот раз уже более уверенно,

- Есть один способ, чтобы не забыть, но отдать дань уважения, - сказал он, поднимая руку и отдавая сигнал жестом. Несколько часовых появились на Плацу, толкая повозки и расставляя их равномерно перед формацией.

- Есть один способ вытереть пятно из нашей цели, способ отдать дань уважения не королю или лорду, а самому себе, доказать, что наше дело и до сих пор правдивая, - произнес грохочущий голос Командира; плотный дождь падал сверху, когда стражи подняли тележки с одной стороны и высвободили их содержимое вдоль первого ряда формации.

Горрил пялился на горы камней словно в тумане... большинство из них были как раз такого размера, чтобы поместиться в ладони.

- Вам всем известно наказание за убийство товарища-гвардейца, - сказал Командир, поворачиваясь к шеренге солдат, крутанулся на месте и уставился взглядом в осужденных, держа спину прямо, как доску.

- Мы не лорды Юга, чтобы передавать приговор в руки нанятым палачам. Мы не лорды Севера, чтобы лично отрубать головы. МЫ. ГВАРДЕЙЦЫ! - проревел он неожиданно,

- Дантис! Харальд! Никлас из Сумеречного дола! Дарлан с Блошиного Дна! Вас обвиняют в изнасиловании и убийстве товарища по оружию. Королевская гвардия сейчас совершит приговор, - провозгласил он.

Горрил не мог пошевелиться, холодный дождь и внесветовая бледнота Луны держали его в трансе, странные и brutальные тени скрывали лица его товарищей. Плац застыл в тишине, ни одна душа не сдвинулась с места. Тишина словно оглушала, вызывая тошноту. Он едва-едва мог слышать пульсацию собственной крови и звуки капель, что падали на лицо.

Его тело не зашевелилось, и что более пугало, не пошевелился никто из его товарищей. Горрил уже не будет членом отряда посланников, солдатом на службе Командира, готовым принести

холодную сталь тем, кто сожжет его собственный город во имя своих амбиций.

Он снова станет Горрилом, жалким вором и вечно голодным нищим, подонком с Блошиного Дна. Он моргнул поток воды, которая затекла в глаз со лба, и отстраненно проследил взглядом за его падением вниз. И осознал, что держит камень в руке.

Он чувствовал себя загипнотизированным, когда сделал шаг вперед и согнул руку, швыряя камень с ревом, который прорезал тишину словно валирийская сталь. Камень полетел по высокой дуге, медленно поднимаясь, а потом быстро падая, будто мир вернулся к привычному ритму... и врезался прямо в нос одному из осужденных. Тот мужчина застонал от боли, кровь полилась из его рта, и Горрил кивнул.

Их кровь смывает кровь Йоханы.

Хайт взревел от чистой ярости, пробежал три шага вперед Горрила, швырнул камень и угодил одному из них в щеку. Тут словно настоящий потоп начался; гвардейцы хватали камни и бросали его, ревя от гнева и ярости; дождь постепенно краснел, когда лавина камней врезалась в осужденных, в тех, кто желал поломать все, ради чего стоит жить.

Он схватил очередной камень и бросил, не попав в человека, которого атаковал первым. Сотни других промазали, но еще больше попало точно, и осужденные кричали и умоляли, и их крики о милости утонули под градом камней, который было не остановить, никак не остановить.

Горрил чувствовал себя, словно провел там несколько дней, хватая и бросая; каждый бросок был отрицанием слов Командира, каждый крик был очередным шагом в длинном подъеме к цели, что обнимала и обнимала лагерь каждую ночь и каждое утро, каждый рев гнева было обещанием никогда не принимать в таком участие.

Постепенно каменный град начал затихать. Горрил тяжело дышал, изможденный как никогда раньше. Он чувствовал себя прощенным. Очищенным. Но один одинокий стон грозил возвращением прежнего состояния, ибо одна из тех тварей, которые уже не были Гвардейцами, выплюнула стукот крови на землю. Она подняла голову, содрогаясь в судорогах, избитое и поломанное лицо вспухло так, что глаз не было видно.

- Легате Райккер, - обратился Командир, разворачиваясь налево, до сих пор прямой как струна, посмотрев на лидера бронзовых. Легат ответил взглядом, прежде чем опустить его вниз; он увидел большой камень в руке Командира. Легат словно смотрел на него в течение долгого мгновения, а может и секунды, прежде чем взять его из руки. Он пошел прямо к последней живой твари, не отводя взгляда, когда окровавленный мужчина услышал приближение.

- Прошу вас... Смилюйтесь... - застонал Дарлан с Блошиного Дна. Легат Райккер вытянул руку вперед и тогда ударил камнем по голове. Дважды. Трижды, пока дождь очищал кровь выливалась из черепа. Четыре раза, пока поляной не зазвучал хруст. Если раньше от такого Горрила стошнило бы, то теперь это чувствовалось, словно мир наконец щелкнул, словно механизм, возвращаясь на место, где и должен был быть. Легат подошел, нет, промаршировал на свое место в шеренге, уже не тем человеком, которым покидал линию какие-то тридцать секунд назад. Он вернулся на место возле Командира, поставил руки за спину и застыл неподвижно.

- Гвардейцы первого полка! - неожиданно проревел Командир,

- Быстрый марш! Возвращаемся в лагерь! - приказал он; его команду подхватили центурионы с горящими глазами и сержанты с оживленными движениями.

- Одиннадцатая ауксия! Быстрым маршем! - взревел водочный сержант. Он не оглядывался, когда полк маршировал прочь, движения были уверенны, а шаги синхронизированы с товарищами; вороны уже парили кругами над головами, несмотря на дождь, постепенно снижаясь до брошенных тел.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1914570>